ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО 09.02.2023 | Роберт Мисик

Свобода без свободы

Неолибералы обесценили понятие «свобода». Левые демократы должны вдохнуть в него новую жизнь.

«Свобода» как лозунг обретает новую популярность, но часто весьма своеобразно. Это слово превратилось в расплывчатый и очевидно пустой термин.

Неолибералы на протяжении десятилетий сводили это понятие к простой «экономической» свободе, мировоззрению, в котором люди существуют только как изолированные атомы, каждый из которых преследует свои собственные интересы в антагонизме друг с другом. Тогда «свобода» парадоксальным образом становится правом сильнейшего победить в гоббсовской войне всех против всех.

Это можно назвать «анархо-консерватизмом»: такое простое либертарианство сейчас вполне распространено и среди радикализованных правых. Даже в разгар пандемии праворадикальные, эзотерические умы и прочие критики мер общественного здравоохранения представлялись борцами за «свободу», как будто свобода – это максимальный эгоцентризм.

Различные интерпретации

В конце года два немецких писателя объявили слово «свобода» бессмысленной «фразой 2022 года», хотя это и возмутило общественность: как же можно обесценивать такую базовую ценность демократической цивилизации, называя ее просто «фразой»? Иногда цитировали Карла Маркса, что «никто не борется против свободы; разве что против свободы других людей». Маркс имел в виду, что так называемая защита свободы в целом часто является просто стремлением к привилегиям за счет других.

Когда некоторые левые отвергают «буржуазную» свободу как идеологию, это не менее гротескно, чем когда праворадикалы, которые в прошлом регулярно попирали свободу, кичатся ее «защитой». «Что хорошего в свободе печати для неграмотного?

Какая польза от права голосовать голодающим?» – спрашивал Оскар Лафонтен, бывший лидер Немецкой левой партии. Таким образом, он сформулировал достаточно популярную мысль: все эти демократические свободы несущественны. Это сегодняшняя угасающая форма пренебрежения гражданскими свободами, присущая сталинскому менталитету.

Это то, что отделяет демократических левых от авторитарных. Демократы всегда твердо и непоколебимо стояли на стороне свободы. Вилли Брандт, легендарный лидер СДПГ, отметил: «Если мне придется сказать, что для меня важнее всего, кроме мира, то мой ответ будет без всяких оговорок: свобода. Свобода для многих, а не только для избранных. Свобода совести и мнений. А также свобода от нужды и страха».

Даже в наших глобальных политических дебатах, таких как полемика по поводу вторжения России в Украину, «свобода» в конечном счете занимает центральное место. Большинство сторонников умиротворения путинской России рассматривают войну как территориальный конфликт, и некоторые еще признают, что он империалистический по своей природе. Одновременно те, кто поддерживает Украину в ее обороне, видят прежде всего столкновение между демократической страной, установившей институты либерального конституционного строя, и автократическим режимом, который стремится ее подчинить.

Индивидуальная свобода как социальное существо

Отдельно проходят современные дебаты о «политкорректности» и «культуре кенселинга», в которых кое-какие левые создают впечатление, что они хотят навязывать образ жизни или способы высказывания другим с помощью авторитарных мер и санкционировать отклонения – даже в пределах дозволенного – посредством социального давления. Как бы сочувственно мы ни относились к мотивации, нельзя игнорировать связанную с ней амбивалентность.

Но если рассматривать вопрос глубже, а также с некоторой дистанцией и трезвостью, понятие «свобода» всегда содержало интересные двусмысленности. Это началось с эпохи Просвещения и борьбы за свободу выражения и мысли против абсолютистского правления. Революции 1848 года касались демократических прав: свободы слова, свободы собраний, политической свободы вплоть до

свободных выборов.

После успешной борьбы с чудовищами самодержавия свобода всегда с трудом удерживалась на плоской, ничем не примечательной социальной почве

Эти усилия наводили на мысль об освобождении от всех ограничений, конформизма и условностей, которые противопоставлены мертвым моральным ценностям laissez-faire, и породили непрочный союз между политическими революционерами, реформаторами и культурной богемой. Этот союз за свободу существовал на протяжении всей истории: даже социал-либеральные реформаторы 1960-х и 1970-х годов определенным образом сдружились с «контркультурой» – хиппи и панками.

После успешной борьбы с чудовищами самодержавия свобода всегда с трудом удерживалась на плоской, ничем не примечательной социальной почве. Императоры и диктаторы предоставили протестующим видимых врагов, которых они могли атаковать – в отличие от беспредметных структур и процессов глобального капитализма.

Однако в демократических обществах, основанных на народном суверенитете, прежде всего возникает сложная дилемма между индивидуальной свободой и обязательным порядком, как выразился легендарный специалист по конституционному праву Ганс Кельзен: когда решения принимаются по правилу большинства, они также являются обязательными для меньшинства и для каждого в отдельности. Мы до некоторой степени решили эту проблему в большинстве демократических государств благодаря приверженности конвенциям о правах человека и конституционному распределению власти (включая независимую судебную власть).

В то же время в демократических государствах всеобщего благосостояния министры, уполномоченные свободной конституцией, обязаны повышать благосостояние людей и защищать их безопасность, с сопутствующими посягательствами на индивидуальные свободы, если они якобы объективно оправданы. Это основа наших систем обязательного налогообложения и социального страхования, наших правил дорожного движения, включая ограничение скорости, и, конечно же, социальных ограничений в условиях пандемии.

Таким образом, установленный нами порядок свободы находится в противоречии с правилами, гарантирующими сосуществование среди социальных животных Homo sapiens, отрицая абсолютную свободу человека делать все, что вздумается. В действительности компромиссы неизбежны.

Левые демократы – это настоящая сила свободы в истории

Но это еще не конец этой запутанной истории. Есть еще и «условия свободы», а дефицит, незащищенность, отсутствие возможностей и вопиющее неравенство являются главными препятствиями на пути к ее реализации. В условиях таких препятствий много свободы достается немногим, а большинству – мало. Английский социалист Р. Х. Тоуни сформулировал это в труде «Равенство»: «Свобода для щуки – смерть для гольяна».

Чтобы гарантировать условия свободы для как можно большего числа людей, необходимы ограничение экономической свободы и укрощение хищнического капитализма, при котором большая рыба поедает маленькую. Уже более ста лет интеллектуалы размышляют о том, как достичь экономического регулирования, работающего на равенство, но при этом не создающего бюрократическую систему, которая снова препятствовала бы индивидуальной свободе и творчеству. Навязанное равенство легко может превратиться в серую унылость и власть чиновников над жизнями людей.

Левые демократы – это настоящая сила свободы в истории. Такие левые выступают не только против авторитарного принуждения и цензуры, но и за свободу собраний и свободу слова. Настоящие левые также против принуждения к конформизму – той «тирании большинства», о которой писал Джон Стюарт Милль в труде «О свободе», требуя, «чтобы разные люди могли вести разную жизнь».

Они также чутко реагируют на ограничивающие свободу последствия материального неравенства, которое де-факто лишает неимущих возможности самостоятельной жизни. Прогрессисты также осознают потерю свободы, вызванную чувством отчуждения в современном обществе, у тех, кто чувствует себя лишь винтиком в безличном аппарате. Макс Вебер опасался, что капитализм без мотивирующей «Протестантской этики», сосредоточенный на практичных, «рациональных» индивидуальных действиях, приведет людей в железную клетку бюрократии.

Левые должны вернуть себе концепцию свободы, присвоенную либертарианцами. А нам не следует мириться с менталитетом, который предполагает, что ничто другое невозможно.

Свобода значит, что нами никто не командует. Свобода значит возможность выразиться и быть услышанными. Свобода также означает, что каждый человек имеет одинаковую моральную ценность.

Но свобода означает также и возможность пробовать что-то – иметь не только теоретические возможности для этого, но и ресурсы, которые делают это практически осуществимым. И можно быть уверенным, что если что-то в этих попытках не удастся, то это не разрушит нашу жизнь.

Такие постоянные усилия отдельных лиц или групп превращают свободу в нечто яркое и романтичное. Свобода стоит на глиняных ногах, когда она сводится к праву разрозненных граждан недоверчиво жить бок о бок. Свобода без свободы от страха – это ампутированная свобода, свобода без возможности вдохнуть в нее жизнь – пустая свобода.

Мы реализовали полусвободу. Это немаловажно, и это не стоит недооценивать. Но левые должны вернуть себе концепцию свободы, присвоенную либертарианцами. А нам не следует мириться с менталитетом, который предполагает, что ничто другое невозможно.

Эта статья является совместной публикацией Social Europe и IPS-Journal.

Роберт Мисик
Вена

Роберт Мисик (Robert Misik) – журналист и политический автор.
Недавно вышла его книга Kaputtalismus.